

Мне надо, чтобы все делали по-моему

ПЕРСОНА

Фильмы Романа Балаяна "Бирюк", "Леди Макбет Мценского уезда", "Полеты во сне и наяву", "Первая любовь" никогда не проходили незамеченными, всегда вызвали разногласия споров. Предлагаемое вашему вниманию интервью сделано украинским кинокритиком Сергеем Тримбачом в Киеве, где и живет режиссер.

В одной из статей недавно прочитал о том, что вас якобы "доставали" украинские националисты и именно этим объясняется то, что вы достаточно долго не снимали в Киеве. Так ли это на самом деле?

— Я работаю там, где хочу и где есть работа. Одно другого не касается. "Националисты" — новое слово.

Все началось с "Леди Макбет Мценского уезда", когда очень мною уважаемый человек, тогдашний председатель Госкино Украины Владимир Стадниченко, много мне помогавший, кстати, сказал: "А может, что-то из украинской классики?". Я ответил: "Да нет, я хочу именно это". Позвонил в Москву, в течение трех дней все образовалось, и я снял картину на "Мосфильме".

И еще один случай, тоже связанный уже с министерством культуры. В начале 90-х на эту должность назначили Ивана Дзюбу, бывшего диссидента, и все стали к нему ходить и чего-то просить. Мне сказали, что он очень хочет меня видеть. Он позвонил мне сам, и я сказал: "Ванечка, мне ничего не надо, абсолютно, я запускаюсь с "Первой любовью" по Тургеневу в Москве". — "Может, у нас снимешь?" — спросил он. — "Да нет, говорю, зачем тебе, чтобы кто-то там болтал?" — "Тогда, может, в Одессе?" — предложил Дзюба, и это мне не понравилось, при всей моей любви к Ивану Михайловичу. Я почувствовал, что опять для кого-то возникают трудности. Можно было, конечно, как-то все устроить и снимать в Киеве. Но я не люблю, если есть хоть капля сомнения в чем-то. Однако ска-

Фото Г. Скачко

зать, что мне не давали снимать или что-то вроде этого, нельзя. Просто мне не нравится любой намек, позволяющий предположить, что могут быть какие-то сложности у тех, кто в одной связке со мной.

Но Дзюба ведь предлагал снимать без всяких условий! Он не говорил: снимайте по Коцюбинскому, а не по Тургеневу.

— Нет-нет... Но я ведь и на Студии имени Довженко не хотел работать, потому что ее тогда возглавляли люди, с которыми не хотелось иметь дело. Именно с руководством, не студией как таковой — меня не устраивал тот климат, который существовал там. А Дзюба в ответ про Одессу.

Значит, не "угнетали" вас все же националисты?

— Я это ощутил один раз, только совсем в другие времена. Когда еще в 70-е хотел снимать фильм по дневникам Тараса Шевченко. Тогдашний секретарь ЦК по идеологии Александр Капто сказал: чего это армянин будет снимать о Шевченко? Я ведь совершенно искренне относился ко всему украинскому, как к чему-то святому, у меня вначале все фильмы и замыслы были связаны с украинской классикой, украинской тематикой.

Тем не менее из Киева вы не уехали. Это для вас родной город? Да и Студия имени Довженко тоже?

— Я большую часть творческой

жизни провел на Киностудии имени Довженко. Считаю себя киевлянином, люблю этот город, мне хорошо в нем. Почему я должен куда-то уезжать? Это не значит, что мне не предлагали переезжать в Москву, квартиру предлагали и даже российское гражданство. Я отказался, хотя 99 процентов моих коллег, в том числе и этнических украинцев, пошли бы на это.

Отчего в последние годы вы не снимали картины о дне сегодняшнем? И что изменилось сейчас в вашем сознании, что такого произошло в вашей жизни, что заставило снимать фильм о наших временах?

— Самое страшное из всего, что случилось за последние 10 лет, — это войны, так называемые региональные конфликты. Тысячи убитых. И все это мы терпели, как всегда. Кто-то, конечно, выступал против, но дело шло... Это меня страшно бесило, и поэтому возникла эта картина, "Две луны, три солнца", возникла такая фабула. Не в моей голове, а у сценаристки М.Мареевой.

И она обратилась к вам?

— Мы работали вместе над другим проектом и даже закончили его. Но оба посчитали тот сценарий неудачным.

Он тоже строился на современном материале?

— Да, на современном, даже чересчур. Он о пятидесятилетнем режиссере, который решил зара-

батывать на жизнь, делая рекламу для банков. У него надежда, что в итоге дадут денег на постановку фильма, "Дяди Вани", скажем. В день своего рождения, который подготовили ему сильные мира сего, он запил — специально, в знак протеста. Может быть, я еще вернусь к этому сценарию. Хотя я не люблю про крутых. Сейчас время, когда все считают их плохими, а плохие — это мне неинтересно, я бы просто не смог бы этого сделать.

В вашем новом фильме герою около сорока, и это традиционный, можно сказать, балаяновский персонаж. Можно ли сказать, что это образ самого себя?

— Мои герои не могут совершить поступок, которого бы не мог совершить я сам. В картине "Две луны, три солнца" герой — совершеннейший индивидуалист, то, что не принято у нас уже лет 75. Он никак не поступает, как всегда в моих фильмах, мучается наедине со своими проблемами. Актеру Владимиру Машкову — 34 года. В этом возрасте уже все по-другому. Сомнения, свойственные интеллигентному человеку, приходят только после того, как разменяешь третий десяток.

Существует ли для вас какая-то возрастная градация от 30 до 60, или это для вас единый мужской возраст и мужчи-

на в 35 и 55 — одно и то же?

— Одному из моих лучших друзей, художнику Даниилу Даниловичу Лидеру, уже 81-й год пошел. И мы скушаем друг по другу. Ему хочется со мной разговаривать. Мне интересно с ним. Это, быть может, единственный человек, общаясь с которым, чувствуешь, что в тебя что-то входит, а не только вылезает.

Старики неинтересны мне в кино. Жизнь — это другой разговор. 30–50 лет — самый любопытный для меня на экране возраст. Кроме того, герой должен быть приближен ко мне социально.

Роман, в главной роли вы хотели снимать Олега Меньшикова. Почему же в итоге Владимир Машков?

— Меньшикова хотел не я, а продюсеры. Я как раз не очень хотел, потому что считал, что Олег некоторые вещи на экране не то чтобы не умеет делать, а они ему не очень идут. Продюсерам хотелось, чтобы снимался актер, всем хорошо известный, в том числе и на Западе. Но это не значит, что я не мог сказать "нет". Приказать мне они не могут. Три или четыре месяца мы ждали Меньшикова, пока он снимался у Михалкова, а потом он сам отказался, объяснил: не вижу я себя там. И поскольку я сам так считал, то легко с этим согласился. Ну и пришел Машков...

Машкова я не знал, однако это незнание продолжалось ровно один день, пока мы не познакомились. Я тут же предложил ему завести бороду и купить очки с диоптриями. И он стал тем, кем надо. Машков безумно талантлив, ему легко дается все. Мы привыкли, что интеллигент должен определенно выглядеть — меньше крови в глазах, больше тоски. В Володе этого нет — в нем полно энергии, и это хорошо.

Так бывает, что актера надо заменить. На "Полеты во сне и наяву" Михалков уже был утвержден, а потом я увидел Олега Янковского в фильме "Мы, нижеподписавшиеся...". И в одну секунду понял, что хоть Михалков — гениальный артист, но Янковский лучше в предлагаемую роль вписывается.

Михалков не обиделся?

— Да нет, он ведь режиссер прежде всего и знает, что это такое. Он настолько не обиделся, что попросил сняться в каком-то эпизоде. Я ничего не мог придумать и сказал: будешь играть самого себя. Умные люди не могут обидеться. Такие вещи случаются: одного утверждают, другого берут.

И как вам с Машковым работаете? Трудно им руководить? Он ведь тоже режиссер.

— Да я всеми руковожу, не в обиду будь сказано. У меня артист не может делать то, чего я не хочу. Машкова пытаюсь превратить в непрофессионала. Надо с человека снять налет всего, что он умеет. Мне надо, чтобы делали по-моему!

Беседу вел
Сергей ТРИМБАЧ

Кадр из фильма "Две луны, три солнца"